

VIII ЙЕНСКИЙ СЕМИНАР ПО ПРОБЛЕМАМ КЛАССИЧЕСКОЙ
НЕМЕЦКОЙ ФИЛОСОФИИ И ЛИТЕРАТУРЫ

В. Ханай

(Йенский университет им. Ф. Шиллера)

С. А. Чернов

(Ленинградский электротехнический институт связи)

С 15 по 17 февраля 1989 г. в г. Йена (ГДР) состоялся очередной теоретический семинар по проблемам немецкой классики, посвященный на этот раз вопросам взаимосвязи буржуазного способа производства и классической немецкой философии и литературы. Завершился цикл научных конференций по разным аспектам немецкой классики, первая из которых была проведена еще в 1977 г. Их организатор — секция марксистско-ленинской философии Йенского университета им. Ф. Шиллера, которая взяла на себя обязанность создать живое научное отношение к тем духовным традициям, которыми Йена в особой мере славится: к концу XVIII в. Йена (связанная множеством жизненных нитей с соседним Веймаром, где жили Гёте, Гердер и Виланд) приобрела значение одного из крупнейших центров классической немецкой мысли. На рубеже XVIII—XIX вв. в Йенском университете преподавали Шиллер (1789—1799), Фихте (1794—1799), Шеллинг (1798—1803) и Гегель (1801—1806). В городе жили выдающиеся представители ранней немецкой романтики — братья Шлегели и Гарденберг (Новалис).

Философы, историки, литературоведы и представители других гуманитарных дисциплин, а также естествоиспытатели и математики, участвовавшие в Йенских семинарах, поставили перед собой задачу исследовать немецкую классику как сложный, противоречивый и многогранный этап в развитии духовной жизни раннебуржуазного общества, проследить различные детерминирующие ее линии и идущую от нее преемственность вплоть до марксизма и современной буржуазной философии. В семинарах приняли участие специалисты из других городов ГДР, а также зарубежные гости. За последние 12 лет были обсуждены вопросы, связанные с образом человека в немецкой классике (1977 г.), с ее отношением к религии (1979 г.), с осмыслением в ней истории (1981 г.) и природы (1983 г.), с классической идеей мира (1984 г.), с толкованием культуры и эстетики (1985 г.), с отношением классики к французской буржуазной революции (1987 г.) и, наконец, с влиянием социально-экономического основания буржуазного общества на его духовную жизнь (1989 г.).

В VIII семинаре приняли участие около 70 представителей

разных научных дисциплин, среди них гости из Чехословакии, Польши, Венгрии, Советского Союза и Японии. Лишний раз подтвердилось, что сам предмет исследования настолько разносторонен, что требует междисциплинарного подхода. Междисциплинарность, как одна из основных методологических установок семинаров, является их большим преимуществом. За одну общую задачу брались философы, экономисты, историки, ученые и литературоведы. Исходя из принципиального признания обусловленности общественного сознания материальным бытием общества, участники семинара пытались разъяснить конкретные механизмы этой обусловленности. Обсуждение проходило на пленарных заседаниях и в двух секциях.

В своем вступительном докладе экономист П. Таль (Халле) указал на малоизученность влияния классической политической экономии на социально-философскую мысль в XVIII в. Он сосредоточил внимание на социальном содержании основных экономических вопросов, выдвинутых буржуазными экономистами, прежде всего на идее личной свободы. Эта идея в конечном счете отражает реально существовавшие социально-экономические отношения и интересы. В ее теоретический смысл вошли и результаты политико-экономического анализа процесса товарного производства. В отличие от Англии, где социальная философия развивалась в осознанном единстве с политэкономией, в Германии имела место определенная эзотерическая самостоятельность просвещенческой социально-философской мысли. В то время, когда в Англии (В. Петти, Д. Норт, Д. Юм, А. Смит, Д. Рикардо) и во Франции (П. Буагильбер, Ф. Кенэ, А. Тюрго) экономическое мышление принимало научно-систематические формы, в Германии не произошло самостоятельного развития политической экономии. В силу иной социально-экономической ситуации политика была истолкована как абстрактная идея и сумма самих по себе действительных принципов разума. Немецкий экономический либерализм конца XVIII — начала XIX вв. нельзя сравнивать с английской или французской буржуазной политической экономией, потому что он представляет собой систему экономико-политических правил, удовлетворяющую потребности княжеского фиска и управления, так называемый камерализм. В лучшем случае в Германии имело место опосредованное, ненамеренное развитие капитализма в силу введения таких методов производства, которые объективно выходили за рамки феодальных производственных отношений (мануфактура). Оставаясь на дискуссиях историков о достигнутой в XVIII в. степени зрелости немецкого мануфактурного капитализма, Таль отметил, что не существовало значительной мануфактурной буржуазии, так что не было и социальной основы для развития экономической теории, в отличие от Англии или Франции. Изучение трудов экономистов-классиков тем не менее давало немецким просветителям толчок к критике существующего состояния

общества. На экономических кафедрах ряда немецких университетов довольно быстро начали заниматься учением А. Смита. Стремление претворить в жизнь идею экономической свободы соединилось с мелкобуржуазной остороженностью по отношению к риску свободной конкуренции. В этой связи докладчик подчеркнул, что доктрина экономического либерализма, которая в известной мере была направлена на укрепление капиталистических производственных отношений, довольно поздно присоединилась в Германии к стремлениям перестройки камерализма и развития буржуазной политической экономии. Тем не менее она и здесь положительно влияла на процесс политической эмансипации буржуазии.

Согласно Талю, индивидуальную свободу только условно можно истолковать как автономную ценность. То, что в философско-идеологической области представляется абстрактным сущестительным («разум», «свобода»), в экономической науке выступает в качестве конкретного общественного состояния, фактического или желаемого. В развитой абстрактно-философской форме свобода личности предстает как принцип «чистого разума». Например, Кант дает настоящий каталог кардинальных понятий просвещенческого социально-философского мышления — «свобода каждого члена общества как человека», «равенство его со всяким другим как подданного государства», «самостоятельность каждого члена общности как гражданина» и т. д., — усматривая в них не фактическое положение дел, а принцип чистого разума, согласно которому возможно буржуазно-гражданское, правовое состояние. Эти принципы выставляются и сегодня, как только речь заходит о прогрессивных ценностных установках буржуазии или «общечеловеческих идеалах». Однако марксизм не может удовлетвориться априорной дедукцией «принципов разума» и требует выяснить их происхождение, материальное основание, конкретно-историческое содержание. Главными социально-экономическими источниками философской идеи «свободы» и «освобождения индивида» в рассматриваемую эпоху были отношения капиталистического товарного производства, которые предполагают и двойную свободу наемного рабочего (от крепостной зависимости и от средств производства), и «свободу» капиталиста — по своему усмотрению распоряжаться своим капиталом. Отношения людей, опосредованные товарным обменом, необходимо предполагают, в качестве условия его возможности, личную свободу производителя, хозяйственную свободу, свободу собственности, свободу распоряжения произведенным, свободу купли и продажи, свободу договора и прочие атрибуты «товарного бытия» человека. Заслуга классической буржуазной политической экономии заключается в том, что она, раскрывая эти источники идеи свободы, создала прочный теоретический фундамент для буржуазного социально-философского мышления.

Вокруг основного доклада Талья развернулась оживленная

дискуссия. Внимание сосредоточилось на вопросе о состоятельности тезиса об «убогости» общественного состояния Германии и «ничтожестве» немецкой буржуазии по сравнению с возвышающимся над ними великим зданием немецкой классической философии. К. Бал (Вроцлав) оспаривал тезис о немецкой «убогости», утверждая, что классическая немецкая философия не есть выражение экономической отсталости, а, напротив, является отражением развитой экономики в Германии. По его мнению, существовала прямая связь между немецкой философией и европейской духовной культурой. Бал подчеркнул, что убедительное объяснение феномена классической немецкой философии удастся только с помощью прослеживания именно этой связи. Его замечания не нашли полного одобрения среди участников семинара. В частности, прозвучали предупреждения о возможности переоценки уровня развития немецкого мануфактурного капитализма. Выступление Бала натолкнуло участников дискуссии прямо на проблему всестороннего и точного анализа экономических и духовных предпосылок крупных систем немецкой классики. В результате интереснейших и скрупулезных исследований, проведенных в основном историками и посвященных, между прочим, мануфактурному и аграрному уровню развития и системе образования, создалась разнообразная, дифференцированная, а порой и противоречивая картина социально-экономического развития немецких княжеств в конце XVIII в. Историк В. Дейх (Лейпциг) в своем докладе на основе богатого демографического материала, обработанного с помощью ЭВМ, выяснил существенные связи между хозяйственной структурой и структурой духовной жизни в Германии тех времен. Убедительно оправдался тезис Э. Ланге (Йена), согласно которому немецкую классику нельзя объяснить из одной только мировой истории, не учитывая национальную историю Германии и, в частности, региональную историю тюрингских княжеств. В этом отношении Йенский семинар свидетельствовал о возрастающем значении региональной историографии как эмпирического базиса идейно-исторических исследований.

В докладе Г. Штилера (Берлин), посвященном соотношению способа производства и философского мышления, идеалистическому тезису о философии как царстве всеобщей свободы было противопоставлено историко-материалистическое положение о ее производном характере. Вместе с тем Штилер подчеркивал, что без убедительного доказательства утверждение о материальном производстве как детерминирующем факторе высшей инстанции остается бессодержательным. Относительная самостоятельность и внутренняя логика надстроечных элементов свидетельствуют о частичном повороте в детерминации. Философия отражает не только экономически обусловленное положение больших социальных групп, но и жизненные притязания индивидов. В ней выражается не социальное само по себе, а человек в своей це-

лостности, испытывающий потребность в миропонимании, в поиске смысла. Этим и объясняется, по Штилеру, долгосрочное влияние крупных философских систем: они удовлетворяют потребность индивидов в мирозерцании, выходящую за узкие границы их непосредственной социально-экономической и социально-исторической обусловленности.

Затронутый Штилером вопрос о дифференцированном подходе к проблемам детерминации философского мышления занял значительное место в ряде выступлений. П. Таль, в частности, согласился с положением, согласно которому философия не есть прямое, линейное продолжение экономики. Он указал на очевидную недооценку опосредствующей роли политэкономического уровня отражения социально-экономической действительности. Такое опосредствование сказывается, например, в гегелевской похвале трудового нрава, которая имела свои корни во взглядах А. Смита. Подобным же образом экономические взгляды Юма влияли на Канта.

С. Чернов (Ленинград) также стремился подчеркнуть в своем докладе сложный, неоднозначный, нелинейный характер детерминации философии Канта. Реконструируя внутреннюю логику кантовской мысли, необходимо одновременно проследить различные линии детерминации в их взаимопереплетении, в контексте целого для того, чтобы понять те открытия, которые сделал Кант, утверждая априорность первых принципов науки и морали. Мы не знаем сейчас, чьи интересы выражает учение философа. Связывая, например, формализм его этики «доброй воли» с «бессилием» немецкого «бюргерства», надо вспомнить, какие объективные общественные последствия имела вполне конкретная «сильная воля», направленная на осуществление «всеобщего счастья». Докладчик резко высказался против квалификации Канта как «буржуазного идеолога». Философия, будучи погруженной в известный социальный контекст и став общественным достоянием, не может не иметь идеологической функции, которая, безусловно, отпечатывается и на ее содержании, но не может составлять и не составляет ее сущности, как не образует она сущности искусства, науки или религии. Существующее, сущность — философия, а «приходящее», акцидентальное — идеология. Кант, разумеется, не «идеолог», а философ, ученый, на взглядах которого не могло не отразиться то обстоятельство, что он жил в Германии в одно время с молодой, прогрессивной буржуазией. Однако никому пока еще не удалось показать, как именно это соседство отразилось на кантовской системе. Если априоризм этики объяснять «дряблостью» немецкого мещанства, то он был всего лишь идеологической иллюзией и имеет сугубо архивный интерес. Если же увидеть в нем открытие специфики нравственности, как качественно своеобразного типа саморегуляции личности, то можно поставить более интересный вопрос: какие социальные условия сделали это открытие

возможным? В этом случае мы увидим, что сущность морали Кант смог открыть, между прочим, только потому, что глубже других проник в сущность ньютоновской физики, и эти философские открытия несоизмеримы с теми идеологическими функциями, которые «привходили» в кантовскую философию, попадавшую за двести лет своей истории в различные социальные контексты.

Вслед за пленарным выступлением Г. Бидермана (Бад-Бланкенбург), которое было посвящено понятию трудовой деятельности в системах классической идеалистической философии, в секционных обсуждениях была развернута обширная картина отражения сформировавшихся в XVIII в. экономических отношений в учениях немецкой классики. Несколько докладчиков посвятили свои размышления учению Фихте, в частности, его рассуждениям о собственности и праве собственности (Г. Лингельбах, Йена) и различию между фихтевским и гегелевским понятиями собственности (М. Сobotка, Прага). Выступавшие пришли к выводу, что воззрения Фихте направлены против средневековых теорий общества, государства и права, причем Фихте занимал радикальные позиции, которые с известными оговорками можно было бы определить как раннесоциалистические. Положительному отзыву Фихте о французской революции соответствовало его требование ликвидации буржуазным обществом разделения между земельной собственностью и собственностью, основывающейся на праве пользования. Право собственности, по Фихте, есть право на действие, а не обладание вещами. Собственность и деятельность в нем неразрывно связаны: кто обрабатывает поле, тот и есть его собственник.

Раннее («йенское») гегелевское определение собственности также предполагает трудовые отношения, образующиеся в результате развитого производства. Позже, в «Философии права», Гегель уже развивал понятие собственности, противоположное взглядам Фихте и Руссо. В нем аспект владения преобладает и придает понятию собственности апологетический характер.

З. Кудерович (Варшава) рассматривал отношение Гегеля к экономическому либерализму. Он пришел к выводу, что Гегель, с одной стороны, высоко ценил экономический либерализм как современное достижение, в котором полностью признается принцип равенства. В качестве экономических субъектов, обладающих трудовой способностью, люди равны. Экономический либерализм, следовательно, исходил из полного правового равенства и уничтожения привилегий. С другой стороны, Гегель увидел в либерализме скрытую тенденцию к общественной дезинтеграции и атомизации, представляющую опасность для осуществления разумного принципа в обществе. Сословия и корпорации должны обеспечить индивиду прочную основу для разумных действий. Сословная структура, по Гегелю, свидетельствует о разумном обществе. Однако Гегель предупредил и

о возможном уродстве корпораций, которое имеет место там, где они рассматриваются как высшие нравственные и общественные инстанции. Любая корпорация должна подчиняться государству как высшему авторитету. Кудерович выдвинул тезис, согласно которому Гегель имел в виду такой тип капиталистического хозяйствования, где свободная конкуренция ограничивается включением корпоративных учреждений. Докладчик считает эти гегелевские мысли предвидением такого типа капитализма, который основывается на институтах, защищающих различные групповые интересы.

Ф. Мольнар (Будапешт) анализировал проблему труда в философии права позднего Гегеля (гейдельбергского и берлинского периодов). Он сделал упор на социальном истолковании понятия труда Гегелем. Это толкование оказало большое влияние на марксистскую социальную философию, которая брала начало именно в критике гегелевской «Философии права». Упрощение трудовой деятельности и возрастание зависимости рабочих друг от друга являются, по Гегелю, в равной мере следствиями разделения труда. В признании Гегелем необходимости возмущения против бедности, из которого выводится право на восстание, Мольнар увидел прямой путь к Марксу. Он отметил, что Гегель уже давал характеристику отчужденного труда, не употребляя этого понятия.

К числу дополняющих многогранный теоретический облик семинара выступлений относятся доклады, посвященные современникам идеалистов-классиков Фризу, Гаману и маркизу Де Саду, а также буржуазным мыслителям прошлого и текущего столетий, чье философское отражение буржуазного способа производства представляет актуальный интерес (Шопенгауэр, Вебер). Рассматривая истолкование нравственности у Де Сада, П. Горак (Прага) утверждал, что, несмотря на свою прямую противоположность классическим буржуазным концепциям нравственности, учение Де Сада нельзя оценивать как чистую проповедь безнравственности. Крайний индивидуализм у Де Сада основывается на понимании человека как природного существа, с неотъемлемо присущими ему естественными склонностями. Он противопоставлялся не нравам и морали вообще, а моральному кодексу официального буржуазного общества, чьи добродетели не воспитывали индивида, а стесняли и душили его. Согласно Де Саду, никакие общественные препятствия не должны мешать свободному развертыванию жесткой логики человеческой природы. Горак пришел к выводу, что постулаты так называемого «либертинистского» индивидуализма XVIII в. (свободное развитие интимных проявлений личности; право на наслаждение и исполнение сугубо индивидуальных потребностей и желаний; перестройка общественных учреждений согласно этим потребностям) в настоящее время, когда заново определяется значение индивида в обществе, приобрели актуальность.

Вообще, обсуждение на семинаре не ограничивалось чисто историческими вопросами. На трудности однозначной оценки сложных общественных явлений по критерию их прогрессивности указал Е. Финдайзен (Йена), обратившись к оценке камерализма, который в марксистской исторической науке до сих пор считается учением, пришедшим на помощь феодальной финансовой политике. Финдайзен оспаривал правомерность такой оценки и утверждал, что наряду с феодально-абсолютистским в камерализме существовало и буржуазное направление, выступившее против «мертвого капитала в монетных ларях» феодалов. Немецкий камерализм (нем.: Камтег — комната; употребляется в сочетаниях, относящихся к дворянскому бытию) выступал, таким образом, за развитие торговли. Его представители старались найти пути экономического прогресса и предугадывали в известной мере его закономерности.

А. Шпрингер-Липерт (Берлин) подняла вопрос о необходимости введения реально-исторического понятия прогресса, которое должно дополнить общефилософские представления о прогрессе. Подобное понятие должно быть результатом реально-исторического и «секторного» подхода, включающего в себя, например, ответы на следующие вопросы: как оценить с точки зрения прогресса появление мануфактур в хозяйственной жизни феодального общества? Что такое прогресс в аграрном его секторе?, и т. д. Шпрингер-Липерт подчеркнула, что реально-исторический подход позволит преодолеть односторонние представления о совершенно монолитном характере просветительской и классической идеи прогресса. В любой переломной эпохе, отличающейся глубокими и насильственными изменениями, идейное разнообразие, вплоть до прямой противоположности концепций, является необходимым явлением. В ходе обсуждения этого вопроса было отмечено, что важнейшим фактором, углубляющим разнородность идеи прогресса, является субъективное переживание такого рода перелома отдельными мыслителями.

Наш отчет, разумеется, не исчерпывает полностью идейного богатства VIII Йенского семинара по проблемам немецкой классической философии и литературы. Не претендуя на полноту в перечислении докладов, авторы стремились выделить главные магистральные направления, по которым шло обсуждение. Материалы семинара готовятся к печати.